

Preprint series of the economic department 004/2023

Оценка общественного ущерба от преступлений и пропорциональность наказания
ущербу: подход экономики права (Estimation of social damage from crimes and
proportionality of punishment to damage: The Law and Economics approach)

Калягин Г.В. к.э.н., доцент кафедры прикладной институциональной экономики экономического
факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, gkalyagin@yandex.ru

В настоящей статье рассматривается принцип пропорциональности тяжести наказания
общественному ущербу от правонарушения с точки зрения экономики права. Делается обзор
различных криминологических подходов к оценке общественного ущерба от преступлений
разных типов, на основании которого делается вывод о том, что сколько-нибудь точное
измерение этого ущерба в каждом конкретном случае не представляется возможным. В качестве
основы для установления тяжести наказания пропорционально общественному ущербу от
преступления, эффективной и вполне достаточной оказывается предложенная в Селлином и
Вольфгангом (Sellin and Wolfgang, 1964) методика рейтингования тяжести преступлений на основе
социологических опросов.

Ключевые слова: преступление, тяжесть наказания, общественный ущерб, принцип
пропорциональности, оценка ущерба

This article discusses the principle of proportionality of the severity of punishment to social damage
from an offense from the point of view of law and economics. A review of various criminological ap-
proaches to assessing social damage from crimes of various types is made. It is concluded that it is not
possible to measure this damage in any particular case with any accuracy. As a basis for establishing the
severity of punishment in proportion to the social damage from a crime, the methodology proposed by
Sellin and Wolfgang (Sellin and Wolfgang, 1964) for rating the severity of crimes based on sociological
surveys is effective and sufficient.

Keywords: crime, severity of punishment, public damage, principle of proportionality, damage assess-
ment

JEL: K14, K42

Оптимальная для общества тяжесть наказания и величина ущерба, нанесенного преступлением

Принцип пропорциональности тяжести наказания ущербу, причиненному обществу
преступлением является фактически универсальным принципом, применяемым едва ли не во
всех системах права. В частности, в соответствии с ч. 2 ст. 43 УК РФ «Наказание применяется
в целях восстановления социальной справедливости, а также в целях исправления осужденного
и предупреждения совершения новых преступлений». Справедливое же наказание полагается

правоведами таковым, если оно «соответствует характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного» (УК РФ, ст. 6).

Данный принцип также играет важнейшую роль в подходе криминологов к политике наказания преступников: «Усилия по реформе вынесения приговоров, предпринятые с 1970-х годов несколькими европейскими странами (в частности, Финляндией, Швецией и, позднее, Великобританией), а также руководящие принципы вынесения приговоров, принятые некоторыми из этих стран и некоторыми штатами США, идут еще дальше и, под влиянием так называемых «пустых» или «карательных» теорий прямо требуют, чтобы суровость наказания была пропорциональна серьезности преступления» (Paoli and Greenfield, 2013, p. 361.).

Что касается подхода к данному вопросу экономистов-криминологов, то, фактически, они приходят к выводам, аналогичным выводам юристов, хотя и несколько более замысловатым путем. Здесь мы остановимся на экономических основаниях принципа пропорциональности тяжести наказания общественному ущербу от правонарушения более подробно.

Один из самых известных (а также контринтуитивных и даже скандальных) выводов экономики преступления и наказания – это так называемый High Fine – Low Probability Result Гэри Беккера, появившийся в его пионерной статье 1968 г. (Becker, 1968), которая, собственно говоря, и дала старт развитию экономики преступления и наказания, как самостоятельной исследовательской традиции. Идея очень проста: если единственной целью наказания является сдерживание преступности («чтобы никому не повадно было»), а единственная форма наказания – денежный штраф, общественно оптимальным решением является установление максимально возможного наказания за все правонарушения: так как преступников, пусть и в неравной мере, сдерживают как тяжесть наказания, так и вероятность его наступления. Если, из чего и исходит Беккер, увеличение первой не связано для общества с издержками – денежное наказание представляет собой чистый трансферт, а увеличение второй всегда затратно, логично сначала использовать сдерживающий потенциал увеличения тяжести и лишь после того, как она достигнет своего максимума, обратиться ко второй составляющей – вероятности наступления наказания¹.

Вообще говоря, нам представляется, что именно провокационность и несправедливость сделанного Г. Беккером вывода дала толчок развитию экономического анализа уголовного права и общественного правоприменения – экономики преступления и наказания. Вывод

¹ Здесь стоит вспомнить о юридическом т.н. «принципе неотвратимости наказания», который, если его сколько-нибудь корректно интерпретировать, должен означать безусловное правило, в соответствии с которым вероятность наступления наказания за уголовное преступление всегда должна быть равна единице. К счастью, данный «принцип» по факту является лишь фигурой речи. Если бы он действительно имел силу безусловного принципа обществу пришлось бы расходовать все имеющиеся в его распоряжении ресурсы на борьбу с преступлениями, причем даже не с самыми тяжкими.

Беккера хоть и выглядит корректным, но настолько непривлекателен, в первую очередь с этической точки зрения, что хочется попробовать его опровергнуть. Чем и занялись такие исследователи, как Стив Шэвелл, Мич Полински, Луис Каплов, Нуно Гароупа и др.

Результатом этих усилий стало если не полное опровержение HF – LP вывода Беккера, то, по крайней мере, очень существенное сокращение сферы его практического применения. Иными словами, этот результат остается корректным, а максимально возможная тяжесть наказания за все правонарушения, вне зависимости от их тяжести, оптимальным, с точки зрения общественного благосостояния решением, если: 1) удельные издержки наказания преступников по крайней мере постоянны; 2) общество может установить вероятность наказания *ex post*, одновременно с установлением его тяжести; 3) тяжесть и вероятность наказания – независимы друг от друга.

Первое из условий корректности беккеровского результата связано с издержками наказания правонарушителей: в модели Беккера единственным наказанием является денежное, а трансакционные издержки его взимания предполагаются даже не независимыми от размер штрафа, а вообще равными нулю. Легко экстраполировать логику Беккера на те ситуации, когда удельные издержки наказания – будь то штраф, тюремное заключение, или любая другая форма наказания преступников – постоянны, либо сокращаются с увеличением тяжести наказания. В таком случае пропорциональное сокращение вероятности и увеличение тяжести наказания приводит к тому же самому HF – LP результату: с точки зрения общественных издержек наказания нет разницы, будет ли преступник наказан тюремным заключением сроком 1 год с вероятностью 50% или сроком 10 лет с вероятностью 5%, поэтому, для общества, целью которого является минимизация суммы совокупного ущерба от преступлений и издержек наказаний преступников, логично будет поднять наказание до возможного максимума, пропорционально сократив его вероятность.

Эта логика, однако, не работает, если общественные издержки наказания растут быстрее, чем увеличивается тяжесть наказания – ситуация весьма реалистичная, например, когда речь идет о денежном наказании: чем меньше денег остается у человека, тем сложнее и дороже обойдется обществу взыскание с него дополнительного штрафа (Polinsky and Shavell 1992). В принципе, та же логика применима для любой формы наказания правонарушителей.

Второе из приведенных условий корректности вывода Беккера основано на предположении, что тяжесть и вероятность наказания (произведение которых представляет собой параметр сдерживания преступности и таким образом отвечает за ее уровень в обществе) устанавливаются обществом одновременно, после раскрытия преступления и поимки преступника. Этот случай, однако, представляется малореалистичным: на этапе регистрации преступления общество скорее всего в состоянии оценить ущерб от него, но, как правило, понятия не имеет, кто конкретно его совершил. Последнее обстоятельство важно для

установления оптимального уровня сдерживания, так как последний зависит: от отношения правонарушителя к риску (Becker, 1968; Privileggi et al., 2001); от богатства, которым располагает преступник (Polinsky and Shavell, 1991; Garoupa, 2001); от его способности уйти от наказания (Bebchuk and Kaplow, 1993); от того, насколько точно преступник оценивает тяжесть и, самое главное, вероятность наказания *ex ante* (Bebchuk and Kaplow, 1992; Ben-Shahar, 1997) и т.д. Иными словами, для различающихся по целому ряду характеристик преступников первым наилучшим, с точки зрения общественного благосостояния, решением, было бы установление собственного оптимального уровня сдерживания (ожидаемой тяжести наказания). Но, так как обществу *a priori* не известно, кто конкретно совершил то или иное преступление, ему приходится *ex ante* устанавливать одну и ту же вероятность наказания для всех преступлений определенного типа и уже после поимки преступника, предъявления ему обвинений и выяснению, например, размеров его располагаемых доходов, приводить уровень сдерживания для всех правонарушителей с примерно такими же доходами к оптимальному уровню, варьируя тяжесть наказания. Таким образом, HF – LP принцип во всех перечисленных случаях не применяется, а общественно оптимальная тяжесть наказания для подавляющего большинства правонарушений оказывается пропорциональной его общественному ущербу.

Наконец, еще одним фактором, затрудняющим практическое применение HF – LP принципа является зависимость между тяжестью наказания и его вероятностью: увеличение тяжести наказания для определенных категорий преступников может вызвать сокращение его вероятности. Такая зависимость может иметь место по целому ряду причин. В частности, принцип предельного сдерживания предполагает, что наказание за правонарушение определенного типа должно быть пропорционально его тяжести (Shavell, 1992; Mookherjee and Png, 1994; Friedman and Sjostrom, 1993), так как в противном случае, индивиды, собирающиеся, например, ограбить банк, и которых обществу не удалось удержать от этой затеи с помощью максимального наказания и его вероятности, соответствующей общественно оптимальному уровню сдерживания для грабителей банков. В такой ситуации, установив одинаковое (и максимально возможное!) наказание за все попытки ограбления банков, общество фактически стимулирует грабителей на то, чтобы не оставлять в живых свидетелей: тяжесть наказания все равно максимальная, а отсутствие свидетелей сокращает вероятность наказания. Чтобы избежать этого необходимо сделать тяжесть наказания пропорциональной величине причиненного обществу преступлением ущерба.

Еще один пример зависимости между тяжестью и вероятностью наказания – так называемые преступления без жертв, к которым относится, в частности, торговля наркотиками или другими запрещенными товарами и услугами, коррупционные преступления и т.п. (Lott and Roberts, 1989; Garoupa and Jellal, 2007; Lambsdorff and Nell, 2007; Basu et al., 2016). Дело в том, что такого рода правонарушения представляют собой добровольные сделки, вероятность

раскрытия которых для общества по умолчанию стремится к нулю: участники такой сделки разойдутся довольные друг другом, и ни один из них не пойдет в полицию, доносить на другого участника сделки. Тем более этого не произойдет, если обе стороны такой сделки в случае, если она все же будет раскрыта, подвергнутся одинаковому, максимально возможному наказанию. Очевидное, и достаточно популярное, решение данной проблемы – асимметричное наказание участников преступной сделки: если мы будем наказывать только одну из ее сторон, или по крайней мере, тяжесть наказания для ее участников будет очень разной, в зависимости от предмета сделки и места, которое в ней занимает каждый из ее участников, или от того, кто из них первый обратится в полицию, вероятность того что такое преступление будет раскрыто существенно вырастет. Кроме того, тот факт, что участники потенциальной сделки знают об асимметричности наказания для сторон, участвующих в ней сильно подрывает доверие между ними и, как следствие, сокращает число таких сделок и, соответственно, общественный ущерб от них.

Также связь между тяжестью и вероятностью наказания необходимо учитывать, если общество хочет создать для правонарушителей стимулы к добровольному признанию в преступлениях (Innes, 1999; Feess and Heesen, 2002). Явка с повинной, очевидно, сокращает общественные издержки правоприменения, а потому должна всячески поощряться.

Наконец, как показывает практика, обратная зависимость между тяжестью и вероятностью наказания связана с правовым принципом обоснованного сомнения (Andreoni, 1991): чем большей тяжести наказания ждет подсудимого в случае признания его виновным, тем более серьезные доказательства требуются судьям или присяжным для того, чтобы они приняли обвинительное решение, следовательно, тем меньше вероятность такого решения.

Все перечисленное позволяет говорить о фактическом снятии экономистами-криминологами полученного Гэри Беккером HF – LP результата, и о том, что принцип пропорциональности тяжести оптимального наказания размеру общественного ущерба от правонарушения обоснован, в том числе, и с экономической точки зрения.

Подходы к оценке ущерба от преступлений

Итак, если тяжесть ущерба от правонарушения является, по более или менее общему убеждению, основой для определения оптимальной, с точки зрения общества и государства, тяжести наказания, необходимо оценить данный ущерб. Экономисты-криминологи, как правило, исходят из того, что оценить со стороны общественный ущерб от преступления проще, чем доход, который получает от него преступник (см. Shavell S, 1987). Но и оценка ущерба от правонарушений представляется сложной и далеко не всегда в принципе решаемой задачей.

Ущерб общества от преступлений, с одной стороны, включает в себя более или менее очевидную материальную составляющую: утраченное жертвами преступлений имущество, их медицинские расходы, потеря трудоспособности или даже жизни, а также затраты, связанные с

изменением поведения. С другой стороны, существует и менее очевидная, но тоже, зачастую, значительная, нематериальная составляющая этого ущерба, связанная с физическими и психологическими нагрузками, обусловленными преступной виктимизацией и страхом перед ней.

Естественно, что, хотя оценка этой второй составляющей общественных издержек преступлений гораздо более сложна, по сравнению с первой, и, так или иначе, всегда субъективна, игнорировать ее невозможно. В частности, в исследовании Miller et al. (1996) оценивается исключительно материальная составляющая потерь жертв от таких преступлений, как сексуальное насилие (\$7300) и жестокое обращение с детьми (\$11400). Такие оценки ущерба жертв этих серьезных представляются сильно заниженными не только нам (см., например: Heaton, 2010). В качестве оснований для оценки нематериальной составляющей потерь от преступлений используются, например, величины надбавок к заработной плате, обусловленные профессиональным риском или принятые судами присяжных размеры компенсаций пострадавшим от соответствующих правонарушений.

Тот факт, что ущерб общества от преступлений неоднороден и складывается из этих двух составляющих – важнейший фактор, обуславливающий параллельное существование нескольких значительно отличающихся друг от друга методологических подходов к оценке общественного ущерба от преступности. Здесь мы на них остановимся подробнее.

Бухгалтерский подход к оценке общественного ущерба от преступлений пытается определить все индивидуальные затраты, связанные с преступностью, которые несут отдельные лица и общество, и оценить эти затраты в деньгах.

Одним из самых цитируемых исследований затрат на преступление является упомянутая выше работа Miller et al., 1996. Нематериальные затраты были оценены с использованием данных о надбавках к заработной плате за профессиональный риск и вынесенных присяжными решениях о компенсациях за боль и страдания жертвам преступлений и пожаров. Многие из источников данных и основных подходов Miller et al., 1996 использовались в других исследованиях издержек преступления. В частности, на основе бухгалтерского подхода Марком Коэном и его коллегами (Cohen, 1998; 2005; Cohen et al., 1994; Miller et al., 1996), была разработана популярная методика оценки монетизации криминальной карьеры преступника. Ее цель – оценка внешних издержек этой карьеры в течение всей жизни преступника:

$$\sum_{ij} (1 - \beta)^{j-1} \lambda_{ij} [VC_j + CJ_i + CI * T_i + W * T_i]$$

Здесь λ – среднее число преступлений, VC – издержки преступления для жертвы, CJ – издержки правоприменения и осуждения преступника, CI – издержки одного дня тюремного

заклучения, β – ставка дисконтирования, T – период времени, в днях, W – альтернативные издержки преступника, неполученный им легальный доход, i – преступления, j – периоды.

Расходы потерпевших включают материальные и нематериальные затраты и риск смерти, если речь идет об убийстве. Издержки уголовного правосудия включают в себя расходы на расследование, судебную защиту, лишение свободы, условно-досрочное освобождение и испытательный срок. Потерянный заработок равен среднему годовому доходу, неполученному из-за лишения свободы (Cohen, 1998).

В этой работе (Cohen, 1998) Коэн оценил внешние издержки успешной криминальной карьеры молодого преступника в 1,5 – 1,8 млн USD. Из них 50% связаны с сокращением качества жизни потенциальных жертв правонарушителя, 25% - материальные издержки жертв его преступлений, 20% - расходы правоохранительной системы, 5% - сокращение производительности труда.

В работе DeLisi and Gatling (2003), выполненной по аналогичной методике было установлено, что средняя карьера правонарушителя стоит более чем 831 тыс. USD издержек потерпевших, почти 275 тыс. USD издержек системы уголовного правоприменения и правосудия, и более 29 тыс. USD потерь производительности. Средний размер издержек, в расчете на карьеру одного преступника составил более 1,14 миллиона долларов.

Стоит, однако, обратить внимание на то, что предложенная Коэном методика оценивает именно *внешние* издержки криминальной карьеры преступника. Это не оценка чистого общественного ущерба от преступлений. Последний скорее всего будет ниже, так как, во-первых, подход Коэна не учитывает доход получаемый, преступниками от их правонарушений (а как мы знаем, преступление – это лишь то, что общество считает таковым здесь и сейчас), и этот доход вполне может превышать его ущерб для окружающих. По крайней мере, в любом случае доход, получаемый преступником от правонарушения: 1) по крайней мере покрывает какую-то часть общественного ущерба; 2) нельзя не включить в функцию общественного благосостояния.

Во-вторых, методика Коэна включает в себя альтернативные издержки преступника, неполученный им легальный доход, который, очевидно, предполагает создание некоторой добавленной стоимости. Но с таким же успехом мы можем включить альтернативные издержки во внешние издержки практически любой человеческой деятельности: далеко не все люди (можно даже предположить, что таких единицы) занимаются самым подходящим и наиболее доходным для них делом, учитывая все имеющиеся у каждого из них навыки и таланты. Поэтому включать альтернативные издержки в функцию внешних издержек преступности, на наш взгляд, не вполне корректно.

Метод условной оценки (Contingent Valuation). Этот метод основан на полученной с помощью опросов информации об индивидуальной готовности платить за снижение уровня преступности. Основное преимущество условной оценки заключается в том, что она отражает общую готовность платить за конкретную программу борьбы с преступностью и, таким образом, охватывает как материальные, так и нематериальные затраты. По сравнению с бухгалтерским методом, эта оценка, скорее всего, лучше отражает некоторые нематериальные затраты, которые трудно объективно измерить, например, страх перед преступностью или невозможность использования общественных пространств из-за преступности.

Сравнивая ответы на опросы с фактическими платежами и без них, исследователи продемонстрировали, что гипотетически выраженная готовность платить иногда в несколько раз превышает фактическую готовность платить (Harrison and Rutström, 2008). В частности, индивиды готовы платить за предотвращение вооруженного нападения на себя 1,2 млн USD (Ludwig and Cook (2001)), тогда как средние издержки вооруженного нападения с серьезным ущербом составляют 52,000 USD (по британским данным, Atkinson et al. (2005)).

Метод условной оценки в литературе иногда называют оценкой *«сверху-вниз»* (“top-down” approach, см., например, Cohen et al. (2004); Atkinson et al. (2005)). Его альтернативой выступает оценка общественного ущерба от преступлений *«снизу-вверх»*, которую можно назвать расширенным бухгалтерским подходом: отдельно оцениваются все компоненты издержек правонарушений, применяемые при этом методики могут, помимо традиционной рыночной, или бухгалтерской, оценки действительно имевших место издержек, включать в себя элементы оценки, основанной на *гедонистическом ценообразовании* (см. ниже).

Пример оценки общественных издержек преступности снизу-вверх – исследование Anderson, 2011, в которой автор предлагает следующую типологию этих издержек (детализация четырех перечисленных здесь типов общественных издержек преступности по Дэвиду Андерсону представлена в Приложении 1.):

1. Товары и услуги, производство, которых обусловлено преступностью, иными словами, они были бы не нужны при отсутствии преступлений.
2. Альтернативная стоимость времени, потраченного на деятельность, связанную с преступлениями. («Преступления также требуют времени для их планирования и совершения, и, таким образом, связаны с альтернативными издержками времени преступников, независимо от задержания и тюремного заключения. Многие люди делают преступление своим основным занятием. Общество лишается товаров и услуг, которые преступник мог бы произвести за время, потраченное на преступление, если бы жизнь этого человека пошла по другому пути» (Anderson, 2011, p. 221)).
3. Неявные затраты, связанные с риском для жизни и здоровья. («Психические издержки насильственных преступлений включают в себя страх быть раненым или убитым и

агонию жертв преступлений. Прямые расходы на предупреждение преступности предназначены для покрытия этих расходов, но превентивные меры ограничены в своей способности сдерживать преступность. Поскольку преступность сохраняется, сохраняется и существенная угроза жизни и здоровью»(Anderson, 2011, p. 222-223)).

4. Ценность преступных трансферов.

Об этой последней составляющей общественного ущерба от правонарушений стоит дополнительно сказать несколько слов. Вообще говоря, сам по себе переход объекта собственности от одного индивида к другому в общем случае не сокращает общественного благосостояния. Даже если эта трансакция не была добровольной. В конце концов, некоторые правомочия могут быть защищены не правилом собственности, а правилом ответственности, то есть их переход, в таком случае, также представляет собой недобровольную трансакцию. При этом, однако, целью суда или законодателя, устанавливающих данное право вполне может быть (и действительно является) прирост общественного богатства.

Другое дело, что любая недобровольная и противозаконная трансакция так или иначе искажает рыночный механизм: объект собственности достается не тому, кто готов больше за него заплатить в условиях конкуренции, а кому-то другому, выбранному по каким-то иным критериям (например, угнанный автовором автомобиль продается на запчасти специализирующемуся на таких сделках перекупщику по цене меньшей той, по которой этот автомобиль мог бы быть продан на рынке). С другой стороны, однако, если трансакционные издержки добровольного обмена запретительно высоки, недобровольные, в том числе даже криминальные трансакции теоретически могут способствовать росту общественного благосостояния. В качестве аналогии, очень хорошо здесь подходящей, можно привести защиту прав собственности правилом ответственности, когда суд признает законным отчуждение правомочия даже без согласия собственника.

Поэтому все методики оценки общественного ущерба от преступлений, напрямую включающие в себя материальный ущерб их жертв как минимум вызывают серьезные вопросы, а как максимум – некорректны.

Кроме того, вообще говоря оценка реальных потерь общества от преступлений, соответствующая бухгалтерскому подходу и несколько более широкому подходу «снизу – вверх», и оценка готовности людей платить за предотвращение возможных преступлений против себя и своей собственности, соответствующая методу условной оценки или подходу «сверху – вниз» являются скорее комплементами, а не субститутами. Более того, при прочих равных условиях, чем выше число совершаемых преступлений, тем больше люди будут склонны тратить на их предотвращение. Поэтому некоторые исследователи суммируют оценки, полученные с помощью этих двух подходов (см., например: Cohen and Piquero, 2009; DeLisi et al., 2010). Обзор результатов некоторых, часто цитируемых оценок общественного ущерба от

преступлений различных типов представлен в Таблице 1. Обратим внимание на серьезный, в разы, разброс в этих оценках по преступлениям одного и того же типа. В особенности заметна, что уже было замечено выше, разница между цифрами общественного ущерба от правонарушений, полученными с использованием бухгалтерского подхода и метода условной оценки.

Наконец, упомянутый выше *гедонистический* подход к оценке общественного ущерба от правонарушений позволяет оценить влияние, которое преступность оказывает на цены, уплачиваемые за товары или услуги. В первую очередь речь идет о разнице в ценах на жилье в районах с низким и высоким уровнем преступности (См., например: Linden and Rockoff, 2008. Обзор таких исследований см. в Ihlanfeldt and Mayock, 2010). Вообще говоря, гедонистический подход к оценке общественного ущерба от преступлений значительно менее популярен у исследователей, по сравнению с альтернативными подходами, о которых мы говорили выше. Это вполне объяснимо. Во-первых, с его помощью практически невозможно оценить потери общества от правонарушений разных типов – жилье в неблагополучных районах стоит дешевле по совокупности факторов, включая преступления разных типов. Вычленение потерь общественного богатства, например, от краж со взломом или вооруженных нападений представляется крайне затруднительным. Во-вторых, далеко не все преступления связаны с соседями и местом жительства: общественные потери от киберпреступности, например, этим методом оценить невозможно. В-третьих, отсутствует общепринятая, консенсусная методика такой оценки: понятно, что цены на недвижимость реагируют на преступность, но непонятно, в какой мере на какую. Некоторые исследователи в качестве объясняющей переменной общий уровень преступности в соответствующем районе (см., например, Case and Mayer, 1996; Kain and Quigley, 1970), другие отдельно оценивают воздействие на цены на недвижимость преступлений против собственности (property crime) и насильственных преступлений (violent crime) (см., например, Lynch and Rasmussen, 2001; Schwartz et al., 2003; Thaler, 1978). Третьи оценивают влияние количества совершаемых преступлений конкретных типов – убийств, вооруженных ограблений, краж со взломом и т.д. (см, например, Gibbons, 2004; Clark and Cosgrove, 1990; Troy and Grove, 2008). Также, нет единства в понимании того, что такое «уровень преступности»: это может быть число преступлений определенного типа, совершаемых в расчете на душу населения (и этот подход можно признать доминирующим: см, например, Thaler, 1978; Gray and Joelson, 1979; Case and Mayer, 1996; Troy and Grove, 2008) или на единицу площади (см. Ihlanfeldt and Mayock, 2010). И у того, и у другого В целом, однако, как не оценивать влияние уровня преступности на цену недвижимости, отрицательная взаимосвязь была получена почти во всех исследованиях такого рода. В частности, исследование Hellman, and Naroff, 1979 приходит к выводу, что снижение общего уровня преступности на 1% приведет к увеличению стоимости недвижимости на 0,6%, а в работе Ihlanfeldt and Mayock, 2010 было

установлено, что увеличение на 1% числа насильственных преступлений в районе приводит к сокращению цены на недвижимость в этом районе на 0,25%.

Помимо перечисленных выше существует еще целый ряд факторов, затрудняющих сколько-нибудь точную оценку общественного ущерба от конкретных правонарушений.

Во-первых, самая виктимная группа, на которую приходится значительная часть издержек преступлений – сами правонарушители. Как показывает практика, именно профессиональные преступники, ведущие соответствующий образ жизни, который можно назвать криминальным, чаще других людей оказываются не в том месте и не в то время, значительно чаще вовлекаются в разного рода криминальные разборки и т.д. Этот факт несколько усложняет не столько оценку потерь общества от конкретного преступления, сколько оценку его потерь от преступности в целом: с одной стороны, профессиональный преступник, убитый в ходе бандитской перестрелки – это общественный ущерб от убийства, как бы его не оценивать. С другой стороны, таким образом прерывается криминальная карьера убитого преступника, и, соответственно, он уже больше не сможет причинить своими действиями ущерб обществу. Описанная проблема может быть решена, по крайней мере, отчасти, если мы обратимся к предложенной Айзеком Эрлихом концепции рынка преступлений (см. Ehrlich, 1996; 2010). Логика Эрлиха очень простая: предложение на рынке преступлений определяется доходами, которые преступники получают от них. Если предложение преступлений неэластично по доходам от них, что характерно для преступлений страсти, преступлений, совершаемых маньяками, а также преступлений, для совершения которых необходимы специальные и эксклюзивные знания и умения, уход данного преступника с рынка соответственно сокращает будущий общественный ущерб. На место арестованного или уничтоженного маньяка не приходит автоматически новый, и число преступлений такого рода, таким образом, сократится. Поэтому в таких случаях мы действительно можем говорить о двойственных последствиях виктимизации преступников для общества.

Если же кривая предложения преступлений эластична по доходу от них, что характерно для подавляющего большинства преступлений, на место покинувшего рынок правонарушений преступника приходит новый и, соответственно, выигрыш общества от прерывания преступной карьеры если не падает до нуля, то существенно сокращается.

Во-вторых, ущерб от разных преступлений одного типа может отличаться весьма существенно. Как уже отмечалось выше, пытаться ограбить банк можно множеством разных способов в диапазоне от взлома защиты сервера банка, не выходя из дома, до вооруженного ограбления с захватом большого числа заложников и, в итоге, с человеческими жертвами. Естественно, говорить об общественном ущербе от ограбления банка вообще достаточно сложно. Можно лишь попытаться подсчитать ущерб общества от конкретной попытки ограбления. То же самое в большей или меньшей степени касается всех типов преступлений,

поэтому, когда экономисты-криминологи говорят, например, об общественном ущербе от кражи со взломом, имеется в виду средний общественный ущерб от такого рода кражи.

В-третьих, трудно, если вообще, возможно, оценить ущерб со-жертв: родственников жертвы и самого преступника, их друзей, знакомых и всех остальных индивидов, чья полезность положительно связана с полезностью жертвы и/или преступника. Соответственно, этот элемент вообще не учитывается в работах, посвященных эмпирической оценке общественного ущерба от преступлений, а значит можно говорить о систематическом занижении этой оценки. С другой стороны, однако, в ряде случаев полезность преступника и/или жертвы может быть связана с полезностями других индивидов обратной связью, что может объясняться, например, соображениями возмездия и восстановления справедливости. В таких случаях при оценке чистого общественного ущерба от правонарушений систематически упускается уже элемент, сокращающий, а не увеличивающий этот ущерб.

В-четвертых, оцениваемые издержки преступлений чувствительны к работе полиции – чем лучше она работает, тем больше преступлений регистрируется, и тем больше, при прочих равных условиях, общественный ущерб от них.

В-пятых, некоторые преступления приносят ущерб, который общество не оценивает совсем или серьезно недооценивает. К таким преступлениям относятся, например, некоторые случаи загрязнения окружающей среды, не повлекшее немедленной катастрофы, некоторые виды мелкого мошенничества, преступления без жертв, когда для того, чтобы установить сам факт события преступления необходимо заявление одного из участников преступной сделки, а оно не будет подано, если не возникнет серьезного конфликта между ее сторонами. Таким образом, этот и два предыдущих пункта данного перечня позволяют нам говорить о систематической недооценке общественных потерь от преступлений.

В-шестых, ущерб общества от конкретных преступлений зависит от контекста – времени и места: «В регионах с высоким уровнем преступности мелкие правонарушения могут, в крайнем случае, создать лишь небольшой дискомфорт. Поэтому издержки таких преступлений могут быть довольно низкими. Напротив, районы, относительно изолированные от какой бы то ни было преступной деятельности, могут в гораздо большей степени пострадать от аналогичного правонарушения» (Lynch, 2010, p. 284).

Более того, преступление – это лишь то, что общество считает таковым в данное время и в данном месте: «Преступления не существует. Существуют поступки, которые в условиях того или иного общества становятся преступлениями» (Кристи, 2011, с. 18). Соответственно, и общественный ущерб от двух совершенно одинаковых поступков может различаться весьма в зависимости от того, где и когда они были совершены.

Таким образом, на основании всего, сказанного выше можно сделать вывод о том, что сделанные по различным методикам оценки общественного ущерба от правонарушений не могут служить сколько-нибудь надежным основанием для принятия политических решений, в силу большого количества противоречий, присущих каждому из описанных подходов к такой оценке. Разброс в эмпирических оценках ущерба от правонарушений, сделанных по разным методикам проиллюстрирован таблицей в Приложении 2.

Оценка серьезности преступлений на основе общественного мнения

Вспомним, однако, зачем, помимо простого любопытства, обществу может быть нужна информация об ущербе от совершаемых правонарушений: «Двумя возможными мотивами для денежной оценки преступности и преступлений являются (1) полезность в направлении ограниченных государственных ресурсов на борьбу с преступностью и (2) полезность в обеспечении того, чтобы базовые принципы вынесения приговоров были такими, чтобы наказание соответствовало преступлению» (Lynch, 2010, p. 274). Первая часть данного утверждения касается совокупного общественного ущерба от преступлений, для оценки которого, вообще говоря нет необходимости в сколько-нибудь точной оценке ущерба от разных правонарушений.

Здесь нас в большей степени интересует вопрос об оценке сравнительного ущерба от различных типов преступлений. И в этой связи, а также с учетом всех описанных в этом разделе сложностей, связанных с точной оценкой ущерба от конкретных правонарушений нам представляется достаточно перспективным основанный на опросах общественного мнения подход, предложенный в работе Sellin and Wolfgang, 1964 (см. также Wellford and Wiatrowski, 1975). В этой работе, давшей старт целому направлению криминологических исследований авторы предложили метод количественной оценки тяжести различных преступлений, названный ими «индекс серьезности преступления». Для его расчета нескольким группам респондентов было предложено ранжировать преступления разных типов в соответствии с их восприятием тяжести. Группы респондентов состояли из студентов университетов, полицейских, судей и случайно выбранных лиц (Sellin and Wolfgang, 1964, p. 249). Респонденты оценили 141 правонарушение по двум разным шкалам: по интервальной шкале серьезности от 1 до 11 и по шкале отношений, сравнивающей серьезность правонарушения с показательным правонарушением без верхнего предела. На основе соотношений ответов Селлин и Вольфганг присвоили баллы серьезности каждому элементу преступного события. Несмотря на резкие различия в типах респондентов, авторы (Sellin and Wolfgang, 1964, p. 268) пришли к выводу, что между группами практически не было различий в ответах.

В дальнейшем, предложенная Селлином и Вольфгангом методология оценки сравнительного ущерба от правонарушений разных типов нашла свое продолжение и развитие в работах целого ряда криминологов (см. обзоры этих работ: Stylianou, 2003; Sweeten, 2012). В

Приложении 3 в качестве примера приведена шкала тяжести различных правонарушений из работы McCleary et al. (1981). Причем первые 11 типов правонарушений взяты авторами из работы Rossi et al. (1974).

Результаты такого рода исследований в подавляющем своем большинстве свидетельствуют об эффективности предложенного Селлином и Вольфгангом подхода: люди, принадлежащие не к одному обществу даже, а хотя бы к одной и той же культурной среде выстраивают рейтинги преступлений весьма схожим образом. В частности, работа Borg et al. (2023) на основе опросов респондентов из трех крупных немецких городов, делает вывод об одномерности шкалы серьезности преступлений: «Обнаруженная нами шкала по существу является одномерной и напоминает шкалы серьезности, обычно приводимые в литературе, от мелких правонарушений до серьезных преступлений. В отличие от предыдущих исследований, эта шкала представляет собой не просто автоматический продукт построения шкалы, такой как простое вычисление средних оценок... Скорее, шкала встроена в двухмерную плоскость, где каждый человек представлен одной точкой, расположенной таким образом, что ее расстояния до точек преступления на шкале серьезности близко соответствуют наблюдаемому рейтингу каждого человека» (Borg et al., 2023, p.15).

К аналогичным выводам приходят, например, Eisner et al. (2017), Adriaenssen et al. (2019) и целый ряд более ранних исследований. В частности, в исследовании Eisner et al. (2017) делается вывод о том, что в интуитивных представлениях индивидов о тяжести различных правонарушений имеет место межкультурный консенсус, а рейтинги серьезности этих правонарушений отражают интуитивные представления о предполагаемой степени причиненного вреда. При этом более ранние работы именно культурными различиями между респондентами в первую очередь объясняли разницу в рейтингах тяжести преступлений. В частности, именно этим объясняет существенные отличия между рейтингами тяжести преступлений, полученных в результате опросов, проведенных в Пенсильвании и на Тайване автор соответствующего исследования (Hsu, 1973).

На сегодняшний день есть, однако, и криминологические исследования, которые приходят к противоположным выводам, хотя таких работ немного. В частности, Виктория Гринфелд и Летиция Паоли утверждают, что «можно надежно оценить ущерб от преступной деятельности, как показывают наши примеры, но невозможно — как по концептуальным, так и по техническим причинам — разработать всеобъемлющую оценку общего вреда от этой деятельности» (Greenfield and Paoli, 2013, p. 864). При этом, с их точки зрения, невозможно сравнивать между собой ущерб от преступлений, относящихся к разным классам.

Но, я полагаю, что эти проблемы в первую очередь связаны с избыточной сложностью и противоречивостью криминологического подхода к такой оценке. Криминологи зачастую пытаются оценить общественный ущерб от преступлений одновременно по нескольким направлениям, выделяя, в частности, в отдельные категории такие, например, параметры правонарушений, как противоправность (*wrongfulness*) и вредность (*harmfulness*). Честно говоря, даже удивительно, что результаты большинства криминологических работ, проведенных по такой методике, хорошо коррелируют друг с другом. В общем, трудно не согласиться с выводом, сделанным Майклом Тонри: «Оценки гражданами серьезности преступлений говорят нам все, что нам нужно знать для вынесения приговоров и проведения пенитенциарной политики». Tonry (2015, p. 665).

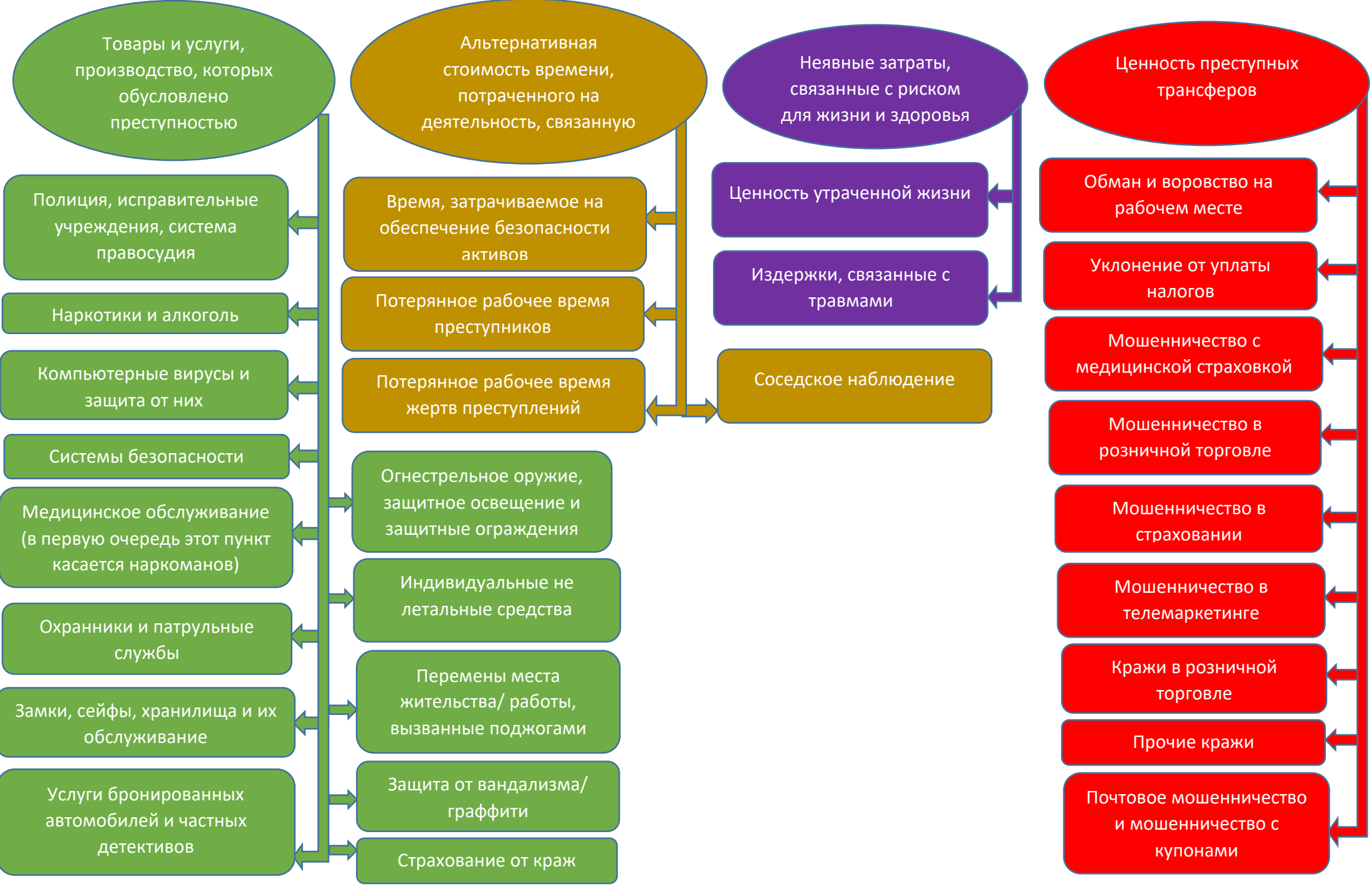
Заключение

Основные выводы настоящей статьи.

1. Общественно оптимальное наказание правонарушителей, и с точки зрения правоведов, и с точки зрения экономистов (хотя и по разным причинам) по крайней мере в подавляющем большинстве случаев должно быть пропорционально величине, причиненного их преступлением обществу ущерба.
2. Сколько-нибудь точное измерение этого ущерба в каждом конкретном случае не представляется возможным. Мы можем лишь, с определенными оговорками, утверждать, что объективно существуют более тяжкие (с точки зрения общественного благосостояния) и менее тяжкие преступления. Также, с оговорками, мы можем попытаться оценить относительные степени тяжести преступлений различных типов: насколько, например, среднее убийство обходится обществу дороже, чем среднее изнасилование, или среднее изнасилование – средней кражи со взломом и т.п.
3. Оценка общественного ущерба от правонарушений, основанная на бухгалтерском подходе (и, шире, на подходе «снизу-вверх») представляется значительно более реалистичной, по сравнению с условной оценкой (или оценкой «сверху-вниз») этого ущерба. Хотя бы потому, что в первом случае мы имеем дело с выявленными предпочтениями индивидов.
4. Представляется некорректной оценка ущерба, учитывающая только внешний ущерб от правонарушения (и тем более, установление на основе такой оценки тяжести наказания за это правонарушение). Строго говоря, у нас нет ни одного сколько-нибудь убедительного основания для того, чтобы исключить полезности преступников из функции общественного благосостояния и, соответственно, не учитывать в этой функции, получаемые ими доходы от правонарушений.
5. Предложенная в 1964 г. Селлином и Вольфгангом методика рейтингования тяжести преступлений на основе социологических опросов, во-первых, является эффективным

инструментом оценки сравнительной тяжести преступлений различных типов, а во-вторых, такого рейтинга обществу вполне достаточно для установления тяжести наказания пропорционально общественному ущербу от преступления.

Приложение 1. Типология общественных потерь от преступлений по Д. Андерсону



Приложение 2. Альтернативные оценки издержек преступлений (USD 2022²)

Тип преступления	Бухгалтерский подход		Оценка “снизу вверх”				Метод условной оценки	
	<i>Miller et al. (1993)</i>	<i>Miller et al. (1996)</i>	<i>Aos et al. (2001)</i>	<i>Cohen and Piquero (2009)</i>	<i>McCollister et al. (2010)</i>	<i>DeLisi et al. (2010)</i>	<i>Cohen et al. (2004)</i>	<i>Cohen and Piquero (2009)</i>
Убийство (homicide)	5 755 298	6 082 844	6 142 630	7 211 000	12 473 665	7 170 114	16 741 515	17 017 960
Изнасилование (rape)	111 648	172 768	513 420	216 330	334 342	210 266	409 045	418 238
Вооруженное ограбление (armed robbery)	-	-	-	72 110	-	67 859	-	403 816
Ограбление (robbery)	45 874	25 815	304 501	33 171	58 752	-	184 191	56 246
Вооруженное нападение (serious/ aggravated assault)	34 697	29 787	146 560	79 321	148 608	80 948	120 815	122 587
Кража со взломом (burglary)	-	-	-	7 211	-	7 540	43 148	50 477
Обычная кража (larceny/ theft/ stolen property)	-	735	31 575	4 038	4 905	-	-	5 769
Угон автомобиля (motor-vehicle theft)	-	7 943	-	12 980	14 958	-	-	24 517
Поджог (arson)	58 182	74 469	-	86 532	29 304	-	-	165 853

² Курс доллара США пересчитан по данным <https://www.inflationtool.com/>.

Приложение 3. Шкала тяжести различных преступлений по Rossi et al. (1974) и McCleary et al. (1981)

№	Описание
1	Преступления против личности I: повлекшие за собой смерть (убийство, непредумышленное убийство)
2	Преступления против личности II: повлекшие тяжкие телесные повреждения (нападение, изнасилование, инцест)
3	Преступления против личности III: все прочие преступления с причинением вреда или его угрозой
4	Преступления против собственности I: повлекшие ущерб более 25 долларов США
5	Преступления против собственности II: все остальные преступления против собственности
6	Продажа запрещенных наркотиков: героин, ЛСД, марихуана, нелегальные стимуляторы
7	Преступления «белых воротничков»: растрата, уклонение от уплаты налогов, мошенничество
8	Преступления без жертв: проституция, гомосексуальность
9	Подрывная деятельность: преступления против государства (дезертирство, шпионаж в пользу врага).
10	Преступления против полиции: любые преступления против полиции
11	Преступления против порядка: бродяжничество, нарушение покоя
12	Преступления против правосудия: лжесвидетельство, оставление места происшествия
13	Преступления, в которых потерпевший и преступник являются родственниками
14	Преступления, в которых потерпевший и преступник являются знакомыми
15	Преднамеренные или рассчитанные преступления
16	Импульсивные преступления (без умысла)
17	Преступления по неосторожности (без умысла)
18	Преступления на сексуальной почве
19	Преступления, в которых потерпевший является несовершеннолетним
20	Преступления с применением оружия
21	Преступления, совершенные по месту жительства потерпевшего
22	Преступления против юридических лиц, кроме преступлений против государства
23	Преступления, совершенные заведомо, умышленно, преднамеренно

Библиография

Кристи Н (2011) Приемлемое количество преступлений. СПб: Алетейя.

Уголовный Кодекс Российской Федерации.

Adriaenssen A, Karstedt S, Paoli L, Visschers J (2019) Taking crime seriously: Conservation values and legal cynicism as predictors of public perceptions of the seriousness of crime. *International Criminal Justice Review* 29(4): 317–334. <https://doi.org/10.1177/1057567718824391>

Anderson DA (2011) The cost of crime. *Foundations and Trends in Microeconomics* 7(3): 209–265. <https://doi.org/10.1561/07000000047>

Andreoni J (1991) Reasonable doubt and the optimal magnitude of fines: Should the penalty fit the crime? *RAND Journal of Economics* 22(3): 385–395. <https://doi.org/10.2307/2601054>

Aos S, Phipps P, Barnoski R, Lieb R (2001) The comparative costs and benefits of programs to reduce crime: A review of national research findings with Implications for Washington State. In Brandon Welsh (Ed.) *Costs and benefits of preventing crime*. Routledge, 149–175. <https://doi.org/10.4324/9780429501265-6>

Atkinson G, Healey A, Mourato S (2005) Valuing the costs of violent crime: A stated preference approach. *Oxford Economic Papers* 57(4): 559–585. <https://doi.org/10.1093/oep/gpi036>

Basu K, Basu K, Cordella T (2016) Asymmetric punishment as an instrument of corruption control. *Journal of Public Economic Theory* 18 (6): 831–856. <https://doi.org/10.1111/jpet.12212>

Bebchuk LA, Kaplow L (1992) Optimal sanctions when individuals are imperfectly informed about the probability of apprehension. *Journal of Legal Studies* 21(2): 365–370. <https://doi.org/10.1086/467910>

Bebchuk LA, Kaplow L (1993) Optimal sanctions and differences in individuals' likelihood of avoiding detection. *International Review of Law and Economics* 13(2): 217–224. [https://doi.org/10.1016/0144-8188\(93\)90007-R](https://doi.org/10.1016/0144-8188(93)90007-R)

Becker GS (1968) Crime and punishment: An economic approach. *Journal of Political Economy* 76(2): 169–217. <https://doi.org/10.1086/259394>

Ben-Shahar O (1997) Playing without a rulebook: Optimal enforcement when individuals learn the penalty only by committing the crime. *International Review of Law and Economics* 17(3): 409–421. [https://doi.org/10.1016/S0144-8188\(97\)00021-5](https://doi.org/10.1016/S0144-8188(97)00021-5)

Borg I, Hermann D, Bilsky W (2022) The perceived seriousness of crimes: Inter-individual commonalities and differences. *Quality & Quantity* 57: 765–784. <https://doi.org/10.1007/s11135-022-01379-9>

Case KE, Mayer CJ (1996) Housing price dynamics within a metropolitan area. *Regional Science and Urban Economics* 26(3–4): 387–407. [https://doi.org/10.1016/0166-0462\(95\)02121-3](https://doi.org/10.1016/0166-0462(95)02121-3)

Clark DE, Cosgrove JC (1990) Hedonic prices, identification, and the demand for public safety. *Journal of Regional Science* 30(1): 105–121. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9787.1990.tb00083.x>

Cohen MA (1998) The monetary value of saving a high-risk youth. *Journal of Quantitative Criminology*. 14: 5–33. <https://doi.org/10.1023/A:1023092324459>

Cohen MA (2005) *The costs of crime and justice*. New York: Routledge.

Cohen MA, Miller TR, Rossman SB (1994) The costs and consequences of violent behavior in the United States. In: Albert J. Reiss, Jr., Jeffrey A. Roth (Eds.) *Understanding and preventing violence*, vol. 4: Consequences and control. Washington, DC: National Academy Press, 67–166.

- Cohen MA, Piquero AR (2009) New evidence on the monetary value of saving a high-risk youth. *Journal of Quantitative Criminology* 25: 25–49. <https://doi.org/10.1007/s10940-008-9057-3>
- Cohen MA, Rust RT, Steen S, Tidd ST (2004) Willingness-to-pay for crime control programs. *Criminology* 42(1): 89–110. <https://doi.org/10.1111/j.1745-9125.2004.tb00514.x>
- DeLisi M, Gatling J (2003) Who pays for a life of crime? An empirical assessment of the assorted victimization costs posed by career criminals. *Criminal Justice Studies*, 16(4): 283–293. <https://doi.org/10.1080/0888431032000183489>
- DeLisi M, Kosloski A, Sween M, Hachmeister E, Moore M, Drury A. (2010) Murder by numbers: Monetary costs imposed by a sample of homicide offenders. *The Journal of Forensic Psychiatry & Psychology* 21(4): 501–513. <https://psycnet.apa.org/doi/10.1080/14789940903564388>
- Ehrlich I (1996) Crime, punishment, and the market for offenses. *Journal of Economic Perspectives* 10(1): 43–67. <https://doi.org/10.1257/jep.10.1.43>
- Ehrlich I (2010) The market model of crime: A short review and new directions. In: Bruce L. Benson and Paul R. Zimmerman (Eds.), *Handbook on the Economics of Crime*, chapter 1. Edward Elgar Publishing, 3–23. <https://doi.org/10.4337/9781849806206.00008>
- Eisner M, Murray AL, Ribeaud D, Averdijk M, Gelder JL (2017) From the savannah to the magistrate court: The roots of criminal justice in evolved human psychology. In B. Jann, W. Przepiorka (Eds.), *Social dilemmas, institutions, and the evolution of cooperation*. Berlin, Germany: de Gruyter, 61–84. <https://doi.org/10.1515/9783110472974-004>
- Feess E, Heesen E (2002) Self-reporting and ex post asymmetric information. *Journal of Economics* 77(2): 141–153. <https://doi.org/10.1007/s00712-001-0539-0>
- Friedman D, Sjostrom W (1993) Hanged for a sheep – the economics of marginal deterrence. *Journal of Legal Studies* 22(2): 345–366. <https://doi.org/10.1086/468168>
- Garoupa N (2001) Optimal magnitude and probability of fines. *European Economic Review* 45(9): 1765–1771. [https://doi.org/10.1016/S0014-2921\(00\)00084-2](https://doi.org/10.1016/S0014-2921(00)00084-2)
- Garoupa N, Jellal M (2007) Further notes on information, corruption, and optimal law enforcement. *European Journal of Law and Economics* 23(1): 59–69. <https://doi.org/10.1007/s10657-007-9002-1>
- Gibbons S (2004) The costs of urban property crime. *Economic Journal* 114(499): 441–452. <https://doi.org/10.1111/j.1468-0297.2004.00254.x>
- Gray C, Joelson MR (1979) Neighborhood crime and the demand for central city housing. In: C.M. Gray (ed.), *The Costs of Crime*. Beverly Hills, CA: Sage, 47–60.
- Greenfield VA, Paoli L (2013) A framework to assess the harms of crimes. *British Journal of Criminology* 53(5): 864–885. <https://doi.org/10.1093/bjc/azt018>
- Harrison G, Rutström EE (2008) Experimental evidence on the existence of hypothetical bias in value elicitation methods. In: Charles R. Plott, Vernon L. Smith (Eds.) *Handbook of experimental economics results*, Vol. 1, Amsterdam: North Holland, 752–767. [https://doi.org/10.1016/S1574-0722\(07\)00081-9](https://doi.org/10.1016/S1574-0722(07)00081-9)
- Heaton P (2010) Hidden in plain sight: What cost-of-crime research can tell us about investing in police. Santa Monica, CA : Rand Corp. <https://doi.org/10.7249/OP279>
- Hellman DA, Naroff JL (1979) The impact of crime on urban residential property values. *Urban Studies* 16(1): 105–112. <https://doi.org/10.1080/713702454>

- Hsu M (1973) Cultural and sexual differences in the judgment of criminal offenses: A replication study of the measurement of delinquency. *Journal of Criminal Law and Criminology* 64(3): 348-353.
<https://psycnet.apa.org/doi/10.2307/1142378>
- Ihlanfeldt K, Mayock T (2010) Panel data estimates of the effects of different types of crime on housing prices. *Regional Science and Urban Economics* 40(2-3): 161-172. <https://doi.org/10.1016/j.regsci-urbeco.2010.02.005>
- Innes R (1999) Remediation and self-reporting in optimal law enforcement. *Journal of Public Economics* 72(3): 379-393. [https://doi.org/10.1016/S0047-2727\(98\)00101-7](https://doi.org/10.1016/S0047-2727(98)00101-7)
- Kain J., Quigley J (1970) Measuring the value of housing quality. *Journal of the American Statistical Association* 65: 532-548. <http://dx.doi.org/10.1080/01621459.1970.10481102>
- Lambsdorff J, Nell M (2007) Fighting corruption with asymmetric penalties and leniency. CEGE Discussion Papers, No. 59, University of Göttingen, Center for European, Governance and Economic Development Research (CEGE), Göttingen.
- Linden LL, Rockoff JE (2008) Estimates of the impact of crime risk on property values from Megan's laws. *American Economic Review* 98(3): 1103–1127. <https://doi.org/10.1257/aer.98.3.1103>
- Lott, JR Jr., Roberts RD (1989) Why comply: One-sided enforcement of price controls and victimless rime laws. *Journal of Legal Studies* 18(2): 403-414. <https://doi.org/10.1086/468152>
- Ludwig J, Cook PJ (2001) The benefits of reducing gun violence: Evidence from contingent-valuation survey data. *Journal of Risk and Uncertainty* 22(3): 207–226. <https://doi.org/10.1023/A:1011144500928>
- Lynch AK (2010) The economic costs of criminal activity: A discussion of methodological approaches and empirical estimates. In: Bruce L. Benson and Paul R. Zimmerman (Eds.), *Handbook on the Economics of Crime*, chapter 11. Edward Elgar Publishing, 279-302. <https://doi.org/10.4337/9781849806206.00020>
- Lynch AK, Rasmussen DW (2001) Measuring the impact of crime on house prices. *Applied Economics* 33(15): 1981-1989. <https://doi.org/10.1080/00036840110021735>
- McCleary R, O'Neil MJ, Epperlein T, Jones C, Gray RH (1981) Effects of legal education and work experience on perceptions of crime seriousness. *Social Problems* 28(3): 276–289.
- McCollister KE, French MT, Fang H (2010) The cost of crime to society: New crime-specific estimates for policy and program evaluation. *Drug and Alcohol Dependence* 108(1-2): 98–109.
<https://doi.org/10.1016%2Fj.drugalcdep.2009.12.002>
- Miller TR, Cohen MA, Rossman SB (1993) Victim costs of violent crime and resulting injuries. *Health Affairs* 12(4): 186–197. <https://doi.org/10.1377/hlthaff.12.4.186>
- Miller TR, Cohen MA, Wiersema B (1996) *Victim costs and consequences: A new look*. Washington, D.C.: U.S. Department of Justice, Office of Justice Programs, National Institute of Justice.
- Mookherjee D, Png IPL (1994) Marginal deterrence in enforcement of law. *Journal of Political Economy* 102(5): 1039-1066. <https://doi.org/10.1086/261963>
- Paoli L, Greenfield VA (2013) Harm: A neglected concept in criminology, a necessary benchmark for crime control policy. *European Journal of Crime, Criminal Law and Criminal Justice* 21(3-4): 359-377.
<https://doi.org/10.1163/15718174-21042034>
- Polinsky AM, Shavell S (1991) A note on optimal fines when wealth varies among individuals. *American Economic Review* 81(3): 618-621.

- Polinsky AM, Shavell S (1992) Enforcement costs and the optimal magnitude and probability of fines. *Journal of Law and Economics* 35(1): 133-148. <https://doi.org/10.1086/467247>
- Privileggi F, Marchese C, Cassone A (2001) Agent's liability versus principal's liability when attitudes toward risk differ. *International Review of Law and Economics* 21(2): 181-195. [https://doi.org/10.1016/S0144-8188\(01\)00055-2](https://doi.org/10.1016/S0144-8188(01)00055-2)
- Rossi PH, Waite E, Bose CE, Berk RE (1974) The seriousness of crime: Normative structure and individual differences. *American Sociological Review* 39(2): 224– 237. <https://psycnet.apa.org/doi/10.2307/2094234>
- Schwartz AE, Susin S, Voicu I (2003) Has falling crime driven New York City's real estate boom? *Journal of Housing Research* 14(1): 101–135.
- Sellin T, Wolfgang M (1964) *The measurement of delinquency*. Wiley, New York.
- Shavell S (1987) The optimal use of nonmonetary sanctions as a deterrent. *American Economic Review* 77(4): 584-592.
- Shavell S (1992) A note on marginal deterrence. *International Review of Law and Economics* 12(3): 345-55. [https://doi.org/10.1016/0144-8188\(92\)90013-H](https://doi.org/10.1016/0144-8188(92)90013-H)
- Stylianou S (2003) Measuring crime seriousness perceptions: What have we learned and what else do we want to know. *Journal of Criminal Justice* 31(1): 37– 56. [https://doi.org/10.1016/S0047-2352\(02\)00198-8](https://doi.org/10.1016/S0047-2352(02)00198-8)
- Sweeten G (2012) Scaling criminal offending. *Journal of Quantitative Criminology* 28(3): 533–557. <https://doi.org/10.1007/s10940-011-9160-8>
- Thaler R (1978) A note on the value of crime control: evidence from the property market. *Journal of Urban Economics* 5(1): 137–145. [https://doi.org/10.1016/0094-1190\(78\)90042-6](https://doi.org/10.1016/0094-1190(78)90042-6)
- Tonry M (2015) The fog around cost-of-crime studies may finally be clearing. *Criminology & Public Policy* 14(4): 653–671. <https://doi.org/10.1111/1745-9133.12170>
- Troy A, Grove JM (2008) Property values, parks, and crime: a hedonic analysis in Baltimore, MD. *Landscape and Urban Planning* 87(3): 233–245. <https://doi.org/10.1016/j.landurbplan.2008.06.005>
- Wellford CF, Wiatrowski M (1975) On the measurement of delinquency. *Journal of Criminal Law and Criminology* 66(2): 175-188.